

18+

СЕРГЕЙ ДАНИЛОВ

ТАК НЕ БЫВАЕТ

РАССКАЗЫ

Сергей Данилов

Так не бывает. Рассказы

«Издательские решения»

Данилов С. А.

Так не бывает. Рассказы / С. А. Данилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-620736-3

Короткие зарисовки об удивительных событиях, которые могли бы произойти в жизни, но по каким-то причинам не случились... А возможно, всё-таки уже совершились или ещё сбудутся.

ISBN 978-5-00-620736-3

© Данилов С. А.
© Издательские решения

Содержание

Девочка	6
Сатисфакция	8
Старый двор	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Так не бывает Рассказы

Сергей Анатольевич Данилов

Главный редактор Т. Быкадорова

© Сергей Анатольевич Данилов, 2023

ISBN 978-5-0062-0736-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девочка

Я снова в поезде. Устав читать очередной детектив, я стою у окна напротив открытого купе и, борясь с вагонной скукой, рассматриваю рябящий буро-коричневый пейзаж. Ландшафт мне привычен и знаком, выучен до мельчайших деталей за многие годы командировок. Картина мало изменилась в последние десятилетия, она особо не радует и не удивляет меня. За окном проносятся редкие, расписанные граффити постройки, быстро, как чирканье спички о коробок, мелькают худосочные телеграфные столбы, бесконечным забором тянется вдоль полотна стена смешанного леса.

Вот осталась позади очередная безлюдная бетонная платформа с низеньким металлическим ограждением, а вместе с ней и одинокий, наводящий безотчётную грусть станционный домик. Сплошной нечитаемой полосой скользнуло за запылёнными окнами название. Один только миг – тук-тук, тук-тук. Станция возникла и растаяла в прошлом, как будто её и не было вовсе.

Так бы картинка и стёрлась из памяти, если бы не та девочка. Она сидела на косогоре, сплошь покрытом ярко-жёлтыми головками мать-и-мачехи. Девчушка крепко держала в руках старую куклу и провожала взглядом спешащий мимо состав. Я даже прильнула к стеклу, стараясь получше разглядеть её. Но где там! Пара секунд – и видение улетучилось. Размытым пятном девочка исчезла вместе с бегущими назад бескрайними полями и облезлым, когда-то голубым домиком, который сиротливо прилепился на краю полустанка. А впрочем, куклу на руках, скорее всего, дорисовало обременённое привычными клише воображение. Может, кукла была, а возможно, и нет. Не это важно, ведь главное – сама девочка и её восхищённый, зачарованный взгляд.

Какими восторженными глазами смотрела она на летящий сказочным змеем зелёный поезд! Он для неё был огромным, прекрасным, таинственным видением, которое, минуя её реальность, стремительно переносилось из одной волшебной страны в другую.

Легко представить, как, ещё только заслышав гудок приближающегося к повороту локомотива, она поудобнее устраивала любимую куклу и замирала в ожидании неведомого чуда. А потом заворожённо, с участвующимся пульсом, жадно хватая воздух приоткрытым ртом, смотрела на подгоняемые дробным стуком собственных колёс вагоны. Хотя, скорее всего, никаких чудес она не ждала. Ведь сам этот состав, который возникал каждый раз внезапно, с шумом, дымом, гулом, оглушая пронзительным свистом и рёвом, и был для неё самым великим волшебством на свете, сказочной картинкой, от которой захватывало дух. Стремительно рассекаемый воздух оведал лицо, спутывал непослушные волосы и наполнял особой, всепоглощающей радостью встречи с чем-то долгожданным, втайне желанным, но эфемерным.

А вечером, согласно устоявшемуся ритуалу, медлительная бабушка закрывает зарешёченное окошко станционной кассы и неторопливо, вперевалку направится домой. Она заберёт с собой утомлённую за день девочку, баюкающую свою сонную куклу.

Мимолётный эпизод внезапно оживил навсегда, казалось бы, стёршиеся воспоминания о собственном далёком детстве, проведённом в маленьком железнодорожном посёлке.

Вот и для этого ребёнка так проходят первые сознательные годы жизни. Как для меня когда-то. Она так же встречает, наблюдает и провожает закопчённые поезда, которые, не снижая скорости, минуют её крошечную станцию. Она весело и самозабвенно машет, кричит им вслед, и ей кажется, что составы громко, пронзительно и пугающе салютуют ей в ответ.

Что случится дальше в судьбе этой малышки, не знает пока никто. Быть может, она останется жить где-нибудь здесь, в своей деревне или в городке по соседству. И спустя много лет так же, как её страдающая от радикулита бабушка, она будет сидеть всё в той же тесной станционной кассе и мирно дремать, укутав спину пуховым платком, или вязать тёплые шерстя-

ные обновы своим конопатым непоседливым внучатам. Да иногда, разбуженная от полудрёмы, скороговоркой бубня себе под нос что-то малопонятное, станет продавать билеты редким пассажирам.

А возможно, эта платформа останется в её памяти далёким, туманным воспоминанием о детстве, блёклым, расплывчатым пятном. В будущем, проезжая мимо таких же затерянных в глубине огромной страны крошечных полустанков, она с лёгкой грустью подумает о судьбе маленькой растрёпанной девочки, которая, сидя с белокурой куклой в руках на залитом солнцем пригорке, провожала манящие в даль поезда.

Сатисфакция

Микрошин зевал сладко и натужно, лениво прикрывая рот тыльной стороной ладони. Он то и дело поёживался и согревал руки под мышками. Один из ранних поездов Калужско-Рижского радиуса, казалось, такой же невыспавшийся, как и он сам, вяло тащился в сторону Беляева. Худошавому Микрошину было не по себе. По его щуплому телу колкими волнами пробегали мурашки, отчего он непроизвольно передёргивал плечами и потирал кисти. Со стороны было видно, что несчастного человека разбудили в явно неурочный час. Да и сам печальный Микрошин прекрасно ощущал: подняли его не просто рано, а вовсе ни свет ни заря. Ох, не в такое время привык он просыпаться в долгожданные выходные дни!

Мелькали светлые мраморные станции. На фоне полной утренней тишины вдруг звонкий голос диктора объявлял названия остановок, заставляя вздрагивать немногочисленных пассажиров. Микрошин всё ещё пребывал в вязком томном полусне. Но и сквозь прилипчивую дрему он не переставал думать о странных событиях, что произошли с ним за последние сутки.

Должно быть, раньше, размышлял он, в подобных случаях к парадному подъезду подавали карету... Теперь пришлось прозаически спуститься в метро, как будто он привычным маршрутом отправлялся на службу. Хотя на любимую работу, быть может, уже и не попадёт никогда. Обыденный антураж подземки убивал всю торжественность момента, должную, казалось бы, сопутствовать подобным исключительным обстоятельствам! Впрочем, эта случайная мысль не расстроила Микрошина, а, напротив, вызвала на его тонком интеллигентном лице тень улыбки. «Эпохи и времена меняются, – с едким сарказмом признал он, – но в борьбе с возвышенной романтикой всегда побеждает грубая проза жизни».

Приоткрыв ненадолго глаза цвета осеннего московского неба, Микрошин с брезгливым выражением оглядел скупой метрополитеновский интерьер, изученный до мельчайших деталей за годы поездок на работу. В очередной раз поёжился. Переведя взгляд направо, *через застеклённую дверь* в соседнем вагоне он увидел приметного выдающимся носом, покачивающегося в такт движению состава своего соперника. Как и накануне, тот был подтянут, свеж, высокомерно заносчив и, естественно, не одинок, а в сопровождении всё того же лысоватого поверенного.

Противник был одет в длинный чёрный плащ и чёрную шляпу. Держался он противостоительно прямо, стоял, не касаясь стен и поручней, не реагируя на резкие торможения и ускорения. Со стороны могло показаться, будто он воображает себя правофланговым в первой шеренге на параде. Собственно, во всём его вороньем облике читалась былая военная выправка, не утраченная с годами.

Однако, заметил наблюдательный Микрошин, при всей своей внешней непоколебимости и уверенности, соперник не переставал машинально тереть перчатки, хмуро изучая размещённую на стене схему столичного метро.

«Нервничает, – удовлетворённо заключил Микрошин. – Все они, аристократы, должно быть, такие психованные. Небось, от перманентных балов, презентаций, встреч и гулянок нервишки-то совсем разболтались. – Тут Микрошин соорудил сочувственную мину и слегка покачал головой в знак понимания проблем соперника. – Жаль, что совсем не было времени поговорить с ним по душам, расспросить о красивой заграничной жизни поподробнее. Другого такого благоприятного случая, скорее всего, и не представится». Он разочарованно вздохнул.

Закончив разглядывать соперника, Микрошин отложил в сторону спортивную вязаную шапку и медленно вытянул вперёд правую, а потом и левую руку. Затем перевёл расфокусированный от недосыпа взгляд на кончики пальцев. Длинные тонкие пальцы почти не дрожали. Довольный результатами проделанного упражнения, он так же неторопливо опустил руки на колени и томно зевнул. Волнения не было, просто очень хотелось спать. «Какого чёрта

надо было назначать в такую рань?! – продолжая беззвучный монолог, Микрошин картинно пожал плечами. – Вот ведь не ложится людям в выходные дни. Конечно, у них, в высшем обществе, свободного времени тьма. Спи не хочу. А служивому люду когда отдыхать после напряжённой рабочей недели? Тоже мне, нашлись трудоголики чести!» – съязвил, ухмыляясь, Микрошин и снова смежил тяжёлые веки.

Если бы кто-нибудь ещё месяц назад поведал, какие фантастические события ожидают его в ближайшем будущем, то обычно скептически настроенный Микрошин даже не стал бы смеяться над столь экзотическими пророчествами. Он бы, наверное, решил, что мошенник-прорицатель старается содрать с него побольше денег и потому придумывает всякие несусызицы. Но дурацким прогнозам взяться было неоткуда. К медиумам Микрошин не ходил, с гадалками принципиально не общался и гороскопами на досуге не увлекался. Он отдавал предпочтение кроссвордам и решению шахматных задач, которые печатали в «Вечёрке» и «Московской правде». А между тем судьба его была уже почти решена.

Оказалось, что именно его, Микрошина – низкорослого, только начинающего сесть шатена, неприметного младшего научного сотрудника, – уже приличное количество лет по всем европейским странам настойчиво разыскивает весьма солидная иностранная юридическая фирма.

Прежде им вообще мало кто интересовался. Бледный ореол микрошинской славы робко охватывал своим неровным свечением лишь две соседние институтские лаборатории. В них серьёзный и положительный Микрошин заслуженно числился лучшим в мире «самодельным», особенно среди сотрудниц среднего и старшего возраста. Он умел починить всё и вся, а из двух безнадежно поломанных бытовых приборов готов был соорудить три вполне сносных, хоть и с ограниченными функциональными возможностями. Конечно, кроме добровольной помощи коллегам, Микрошин, как и положено, вёл основательную научную работу. Пусть он никак не мог оформить все требуемые для регистрации собственных изобретений документы, однако в родном институте уже кое-что было внедрено в соответствии с его идеями и чертежами.

Так что какая-то известность была, была. Но, хоть и с незаурядными способностями, всё же он оставался обычным сотрудником второразрядного отраслевого НИИ. Странно и удивительно, что им заинтересовался кто-то в зажиточной, высокоразвитой Европе.

Как выяснилось из официального запроса, разыскивают Микрошина не забавы ради, не по досадной ошибке, перепутав с более достойной персоной, и не для того, чтобы поинтересоваться его последними достижениями в местном пылесосоведении и уютостроении. Агентство действует по поручению самого что ни на есть настоящего, живого наследного князя. Это следовало из комплекта документов, представленного в конце концов с таким трудом разысканному субъекту.

Об аристократах образованный Микрошин знал, ещё в детстве читал в приключенческих романах и видел в кино, однако отродясь не лицезрел ни единого из них воочию. Но история вырисовывалась интригующая! Нужен, оказывается, никому доселе не известный Микрошин привилегированному представителю высшего общества для выяснения загадочных обстоятельств прошлого, а также для разрешения дела особой исторической важности.

В начале XX века в старорежимной России князь Б. в присутствии именитых особ оскорбил князя Р. Многочисленные сплетни и домыслы, конечно, тут же поползли по столице, будоража умы обывателей. Но истинные мотивы, которые побудили обыкновенно сдержанного князя нанести публичное оскорбление, так и остались тайной.

В великосветских салонах болтали всякое о некоей темноволосой даме, с которой видели и одного, и другого князей, о каких-то заёмных письмах и долговых обязательствах, тайно скупленных кровопийцами-ростовщиками. Судачили также о шумном семейном скандале, который случился накануне в покоях князя Б. и якобы хорошо был слышан прислугой, о член-

стве обоих знатных особ в каком-то тайном обществе, организованном по типу масонской ложи, и о многом, многом другом.

Что из этих слухов имело отношение к реальности, а что присочинили по ходу дела – кто же разберёт...

Князь Р. с детства не отличался крепким здоровьем. После скандала в тот злосчастный вечер он почувствовал недомогание, покинул шумное собрание, слёг с сердечным приступом и скоропостижно скончался, не успев ни оформить официального завещания, ни оставить распоряжений своему секретарю. Но зато, придя на короткий миг в сознание в свои последние земные минуты, бледными, едва шевелящимися губами он смог прошептать роковой наказ: во имя его памяти любой ценой добиться удовлетворения от князя Б. или его потомков, восстановив тем самым поруганную честь.

Дальнейший ход истории сопровождался кровавыми кошмарами революций и лишениями эмиграций; в него вмешивались как локальные вооружённые конфликты, так и мировые войны с их невосполнимыми потерями. Потомки двух именитых родов оставили свои путанные следы чуть не по всему земному шару – от Финляндии до Австралии и от Японии до Португалии. Многим из них пришлось сменить столичный блеск на бескрайние снега Воркуты и непроходимую дикость сибирских лесов. Пространство и время безжалостно раскидали людей, изменили их судьбы и даже имена. И только теперь, на исходе самого противоречивого века, запоздалое эхо далёких событий внезапно докатилось до ничего не подозревающего Микрошина.

В тот незабываемый вечер он намеревался мирно и спокойно в седьмой раз посмотреть предпоследнюю серию «Семнадцати мгновений весны». Устроился было в кресле с чашкой чая и вишнёвым вареньем, но осуществить задуманное не смог. Две подозрительные личности без предупреждения возникли на пороге его квартиры. То, что они не русские, изумлённому Микрошину стало понятно по речи: неловким паузам, ломаным фразам и глаголам в неопределённой форме. На нездешность визитёров также указывала аккуратная, точно подогнанная по фигуре модная одежда: явно не на родных орехово-зюевских просторах была она скроена.

Сверкая искусственными дипломатическими улыбками, незваные гости заявили растерянному хозяину, что имеют к нему важное и неотложное дело. Да-да, именно к нему, господину Микрошину. Сначала он ещё надеялся быстро вернуться к своему прерванному занятию, но в течение дальнейших трёх часов всё больше нервничал и потел, пытаясь вникнуть в глубинную суть происходящего.

Конечно, первым и самым естественным объяснением появления незнакомцев Микрошин счёл простую ошибку. «Ну, чего не бывает в жизни, – пытался выстроить он логическую цепочку. – Перепутали товарищи улицу, подъезд или номер квартиры. С первого же взгляда видно, что они не местные, вот и очевидная промашка вышла. По телефону когда звонят, чуть ли не каждый день связываются не с тем абонентом. И ничего, все к этому давно привыкли. Извиняются и перезванивают. Может, и эти типы постоят немного, оглядятся, поймут, что не в ту обстановку попали, и культурно покинут мои апартаменты».

Но интуиция, которая всегда помогала Микрошину-специалисту чётко определить место поломки в приборе, подсказывала ему, что всё не так просто. Нет, легко и быстро отделаться от незнакомцев ему не удастся... Да и визитёры явно не спешили с ним расставаться. Один из них, тот, кто был полнее и меньше ростом, бесцеремонно водрузил на микрошинский табурет, используемый хозяином для зашнуровывания ботинок, солидного вида портфель, открыл его и уже извлекал на свет божий какие-то бумаги. Доставал он документы очень бережно, бегло просматривал и с видимым почтением передавал второму, высокому аскетичного вида господину с гордым орлиным профилем.

«Нет, – продолжал свои рассуждения Микрошин, водя пальцами по лёгкой двухдневной щетине на подбородке и наблюдая, как непрощенные гости располагаются в его скромной при-

хожей, – судя по тому, что они знают мою фамилию, простая ошибка отпадает. Бесспорно, можно перепутать этаж и квартиру, но чтобы при этом ещё случайно совпала фамилия владельца – это уже вряд ли. Такой случай теория вероятностей допускает в микроскопическом масштабе. Если, конечно, вообще допускает. Так что же?»

Он напрягся и нахмурился в ожидании подвоха. А незнакомцы, не обращая особого внимания на смущённый вид хозяина, продолжали сосредоточенно заниматься бумажной сортировкой.

Тут вдруг Микрошина осенило – это, должно быть, шутка. Ну конечно, кто-то из друзей решил его разыграть. «Точно, – Микрошин просиял, на радостях хлопнул себя ладонью по бедру, ухмыльнулся и покачал головой, – устроили мне на выходные бал-маскарад, артисты недотёпистые. Достали где-то театральные костюмы, пригласили двух разнокалиберных провинциальных комиков, и те наглым образом вломились в мою квартиру, усердно коверкая родную речь. Решили, что я вот так легко попадусь на их удочку. Ну, дают, баламуты, всё ещё играют в детские штучки!» Он на несколько секунд зажмурился, легонько помассировал кончиками пальцев глаза, уставшие от многочасового просмотра телепередач, и внимательнее пригляделся к странным господам.

Увы, пришлось признать, что и эта версия не выглядит правдоподобной. Первое впечатление его не обмануло. Одежду такого качества вряд ли можно занять не только в институтском драмкружке, но и в столичном театре. Да и внешне посетители смотрелись совсем не по советски: было в их облике нечто чужеродное, холёное, недоступное широкому кругу трудовой интеллигенции. Идеально выбритые лица лоснились, как будто их отполировали и навозили. В глазах читалось осознание собственной значимости вкупе с умиротворённостью и внутренним достоинством. И запахи исходили от них какие-то заморские – у плохо разбирающегося в парфюмерии Микрошина возникла ассоциация с восточными пряными ароматами и сказками «Тысячи и одной ночи». А русскую речь незнакомцы не то чтобы коверкали, а совсем наоборот, пытались выговаривать правильные, заранее заготовленные, написанные на бумаге слегка старомодные выражения.

В общем, после долгих сомнений и разглядываний Микрошин пришёл к окончательному выводу, что это действительно настоящие иностранцы. Такое умозаключение сильно озадачивало: чем же заинтересовала его скромная личность зарубежных господ? Как и откуда они узнали о его существовании? Публичной персоной он не был, в государственные секреты не посвящён, никаких подписок в жизни не давал, за кордон ни разу не выезжал. Не будет ли в связи с этим визитом у него проблем на работе? А вдруг в институте – или других, более серьёзных органах – узнают о том, что он не просто общался с иностранными гражданами, так ещё и принимал их у себя дома? В висках у Микрошина лихорадочно застучало.

Преодолев малодушие, Микрошин перестал сканировать и обнюхивать чужеземцев, словно они были пришельцами с другой планеты, и любезными жестами пригласил их пройти в комнату.

Там он усадил загадочных гостей на диван, встряхнул головой и отогнал мешающие сомнения. Нужно было полностью сконцентрироваться на том, о чём, собственно, держат речь иностранные визитёры. Основную-то часть он от волнения пропустил мимо ушей! Тут Микрошину пришлось постараться, чтобы уяснить замысловатую цель заграничной миссии. Перед ним на бумагах, которые имели вид чуть ли не египетского папируса, были выстроены генеалогические древа двух княжеских родов. Корни их уходили в ту эпоху, которая, как казалось Микрошину, не описана даже в учебнике истории древнего мира (помнил он с далёких школьных времён блестящую чёрную обложку!).

У заинтригованного Микрошина возникло впечатление, что к нему на дом пожаловали служители исторического музея. Точнее, работники отдела рукописей. Все документы, похоже, являлись уникальными образцами и имели важную историческую ценность. Цветные перга-

менты на удивление хорошо сохранились. Они были украшены красивыми тиснёными гербами, вычурными вензелями и диковинными печатями.

Разложенные в необходимом порядке, бумаги заняли большую часть свободного пространства в комнате, оттеснив ответственного квартиросъёмщика вместе с гостями к входной двери. Развивающиеся с течением веков генеалогические ветви сначала цвели и плодоносили различными известными деятелями, затем проходили через выделенных в центре князей Б. и Р., но после выглядели гораздо слабее и явно хирели. Пройдя периоды жестоких засух и лишений, кустистые в прошлом благородные дебри заканчивались двумя тощими побегами, помеченными на бумагах как Shpeider и Microshin. Чужеродно и одиноко смотрелись они на разлапистых плечах голубокровных предков.

Переводя взгляд с одного древа на другое, хозяин типовой однокомнатной квартиры временно потерял дар речи.

За затянувшейся демонстрацией последовали напряжённые объяснения. Они проводились на смеси основных европейских языков в сочетании с элементами жестикологии. Через некоторое время всё же наступила ясность. Один из иностранцев, благородный обладатель двух выдающихся физиологических деталей – роста и носа, – являлся тем Shpeider'ом, на ком заканчивались левые генеалогические заросли. Ну а другим осколком истории, венчавшим, соответственно, правое усыхающее древо жизни, оказался не кто иной, как облачённый в полинялый спортивный костюм и тапочки на босу ногу сам господин Микрошин.

Ещё не осознав себя настоящим князем, но уже обалдев от ошеломляющей информации, Микрошин раскраснелся. Почему-то в голову пришла мысль: а как же теперь следует представиться любезным зарубежным гостям? То ли князем Микрошиным, то ли князем Б., а может, взять сложносоставную фамилию Б.-Микрошин или Микрошин-Б.? В итоге он просто протянул руку и расплылся в добродушно-рассеянной веснушчатой улыбке. Долгожданное знакомство потомков двух таких почтенных родов, наконец, состоялось.

Мозг Микрошина, растревоженный удивительным, да что там, фантазмагорическим известием, гудел, как пчелиный рой. Неожиданно в его сознании возник образ прабабки по материнской линии – Агриппины Митрофановны. Микрошин застал прародительницу, когда она уже была парализована, а её невнятное бормотание приписывалось старческому маразму. Бабушка ласково именовала правнука «баловня», хотя рос Микрошин довольно спокойным ребёнком и дома почти не озорничал. Он единственный подолгу просиживал около её кровати, выслушивая только ему одному доверяемые истории.

Хрупкая старушка любила вспоминать об императорских дворцах, роскошных выездах, богатых каретах, лошадях, камергерах и пышных балах, где она якобы блистала в девичестве. Порой она пересказывала длинный список благородных претендентов на её руку и родовое поместье. Нескончаемое перечисление сопровождалось указанием многочисленных регалий и званий. Иногда, входя в образ, прабабушка переходила на иностранный язык, вроде бы французский. Естественно, ни совсем ещё юный Микрошин, ни кто-либо другой из домашних её уже совсем не понимали.

Как и прочие родственники, Микрошин не воспринимал истории, которые рассказывала старушка, всерьёз. Он считал, что если достигнет такого же почтенного возраста (в чём у него были большие сомнения), то и сам будет убедительно и с подробностями рассказывать конопатым, ушастым, как и он, правнукам всяческие небылицы.

Однако, уточнив девичью фамилию прабабки, которая чудом сохранилась в глубинах микрошинской памяти, гости одобрительно загалдели. Они скрупулёзно изучили свидетельство о рождении, паспорт хозяина, оценили скромную внешность их обладателя и, очевидно, нашли необходимое сходство. Иностранцы тыкали пальцами в какие-то измятые жёлтые листки с еле заметными каллиграфическими строками и удовлетворённо чмокали губами. Затем вернули личные документы их законному владельцу и дружно встали со скрипучего

дивана. Мгновенно посерьёзнев, неожиданные визитёры объявили, что, удостоверив личность господина князя Микрошина, переходят к главному, а именно: к выполнению исторической миссии, возложенной на них предком.

В единственной комнате апартаментов новоявленного князя повисла гулкая тишина. Торжественность момента и продолжительность взятой паузы намекали на что-то особенное. Розовый туман окутал плотной пеленой инфантильный в коммерческом смысле разум Микрошина. С самого начала пресловутой перестройки и гласности в робких муаровых грёзах ему мерещилось неожиданное наследство. И вот, похоже, оно явилось полновесной золотой чашей! Он сглотнул застрявший от волнения в горле комок... Во всех доступных ракурсах и проекциях, с полным набором мелких деталей представился ему желанный, в шесть соток, участок в Храпуново, а в углу ванной комнаты возникла стиральная машина «Эврика» с воделенной приставкой «полуавтомат» в названии.

Но туман стремительно терял свою нежную утреннюю прелесть. Сквозь его рваные клочья, прямо к крылечку воображаемого уютного двухэтажного щитового домика, до размечтавшегося Микрошина донёлся противный каркающий голос. Очнувшись, он никак не мог уразуметь, о чём же вещает ему лысоватый господин, доверенный представитель обладателя высокого наследственного титула.

Видя его растерянность и смущение, багровый от духоты и натуги полноватый поверенный промокнул платком влажный лоб и в который раз принялся с профессиональным терпением объяснять предысторию их внезапного появления. Вскоре грустный Микрошин уже только безразлично поддакивал да мелко кивал головой в знак полного согласия. Речь на самом деле шла о последней воле умирающего, дворянской чести, чувстве долга и других высоких материях. Увы, они неумолимо и безвозвратно удаляли притягательное слово «полуавтомат» с упаковки так и не доставленного на дом чуда современной техники под названием «Эврика».

Только к ночи Микрошин вышел из забытья. Он обнаружил себя стоящим у подоконника, касаясь коленями еле тёплой батареи центрального отопления, прислонив лоб к холодному оконному стеклу и сцепив руки на груди. За окном резкие порывы ветра срывали с гнущихся деревьев листья, те носились и кружились в тусклом свете уличных фонарей, а потом ложились на мокрый асфальт маленькими пёстрыми кляксами. Микрошин собрался с мыслями и восстановил в памяти мозаику малоправдоподобных событий прошедшего дня.

Он ещё раз пережил мелькнувшее яркой молнией чувство окрыляющей эйфории, связанное с наивной надеждой на наследство. Вспомнил он и вполне реальную – отрывистую, словно нашпигованную металлической стружкой, – речь иностранного служащего. Перед глазами так и мелькал кипенно-белый платок с вышитой монограммой, которым тот промокал потный красный лоб. Эти навязчивые повторяющиеся движения будто ластиком стирали милый мираж дачи, сарая и двух парников с нежинскими огурцами.

Микрошин снова ощутил в руке гладкую тёмно-коричневую рукоять тяжёлого дуэльного пистолета. Инкрустированное перламутром и покрытое серебряной чеканкой, предьявленное ему оружие было скорее произведением искусства, нежели боевым снаряжением. В отличие от привычного безотказного АКМа, с которым отслуживший в пехоте два года Микрошин был знаком не понаслышке, пистолет выглядел изящно и неправдоподобно красиво. Сотворён он был известным дрезденским оружейным мастером Карлом Ульбрихом с большой любовью, явно не для возможного кровопролития, а чтобы его изделием гордились и восхищались. Это оружие заняло бы почётное место в Оружейной палате Кремля или уж на худой конец в дорогом антикварном магазине на Арбате. Ухаживали за ним явно заботливо. Даже не верилось, что из него можно стрелять и убивать. Тем не менее пистолет был предьявлен не с какой другой целью, как для ознакомления перед ответственным поединком. А уцелел он, видимо, только благодаря существенным усилиям, предпринятым мстительными потомками князя Р.

Позднее, осмысливая произошедшие события, Микрошин вздыхал, ворочался с боку на бок и долго не мог заснуть. Его будоражили новые, чуждые ему ранее думы. Было особенно жаль, что никто никогда не узнает о его новом статусе. Скорее всего, его ухлопают завтра на рассвете, ведь из такого оружия Микрошин, естественно, не стрелял ни разу в жизни. В составленном по всей форме милицейском протоколе казённым языком будет написано, что там-то и там-то, тогда-то и тогда-то обнаружено тело гражданина Микрошина. И ни слова о том, что он настоящий потомственный князь! «Только вдумайтесь! – возмущённо обращался в темноте осенней ночи новоиспечённый дворянин к мнимому оппоненту. – Тело не князя, на худой конец, не господина, а всего-то-навсего обычного безликого гражданина».

Такого рода официальная формулировка напрочь лишала Микрошина заслуженного некролога, окаймлённого жирной чёрной рамкой, на последней странице всех центральных газет. Не будет и обсуждения его героической, насыщенной событиями биографии в разделе светской хроники бульварной, особо почитаемой в народе прессы.

Если же фортуна вдруг улыбнётся ему и убиённым окажется господин Shpeider, всё равно никто не поверит подлинности полученных от визитёров документов. «Так что остаться в финале этой сумасбродной истории единственным официально признанным потомком старинного княжеского рода очень маловероятно», – с тоской подытожил совсем сникший Микрошин.

С такими вот тяжёлыми мыслями, сбившимися в течение томительной ночи в большой чугунный шар, Микрошин незаметно для себя самого и заснул под самое утро.

Теперь же, ёрзая на жёстком диване мчащегося по тёмному туннелю вагона метро, Микрошин отчаянно жалел о бессонной ночи и загубленных выходных днях. Князь с орлиным профилем и его подбобрастный помощник были сейчас ему глубоко неприятны.

С ночи на Битцевский лесопарк спустился густой, вязкий туман. Он окутал деревья, приглушил шелест листьев под ногами да хруст мелких веток, на которые по неосторожности наступали дуэлянты и сопровождающие их лица.

Видимо, именно из-за этой белой пелены основные события пронесли для Микрошина словно в полусне. А может, его дремотное состояние и сопутствующая слабость произвели анестезирующее действие. Как бы то ни было, но очнулся Микрошин лишь тогда, когда над его ухом просвистела пуля. Он машинально втянул голову в плечи и скорее ощутил, чем понял, что это за характерный звук.

В один миг вся заторможенность Микрошина улетучилась. Картина происходящего как бы приблизилась и наполнилась деталями. Начинающий дуэлянт увидел поблизости долгового князя. На его непропорционально большом носу грозно раздувались ноздри. Поблёскивали стёкла маленьких круглых очков. Недавний противник держал в правой руке опущенный, теперь уже бесполезный пистолет. Рядом с ним, слегка кивая друг другу головами, прощались молчаливые корректные секунданты. Низенький седовласый доктор с пухлым тёмно-синим саквояжем неуклюже-косолапой походкой брёл к посольской машине, припаркованной в стороне.

Опустив глаза, Микрошин посмотрел на изящное старомодное оружие, крепко, до ломоты в суставах, зажатое в его собственной побелевшей от натуги руке. Дуло пистолета чадило тонкой струйкой сизого дыма, от которого исходил характерный запах горелого пороха. И только тут Микрошин радостно осознал, что всё кончилось благополучно и, как ни удивительно, бескровно.

Он быстрым шагом подошёл к князю и от избытка переполняющих чувств долго тряс бледную кисть с холёными, ещё подрагивающими пальцами. Сердечно просил не обижаться на его предков и «дела давно минувших дней», приезжать в любое удобное время, запросто, подворянски, лишь дав предварительно телеграмму. Расстались вынужденные противники если не по-родственному, то, во всяком случае, тепло, можно даже сказать, душевно. На память

о знакомстве и поединке князь подарил Микрошину драгоценные пистолеты, которые наконец-таки выполнили свою историческую миссию.

Из метро к пригородным автобусам уже спешили ранние пассажиры, по большей части грибники с огромными корзинами, ведрами и рюкзаками. Они рассаживались, расставляли свою разнообразную тару, сутились, гомонили.

Растрёпанный Микрошин – без шапки, в куртке нараспашку – растерянно стоял перед подземным переходом, крепко прижимая к груди продолговатый футляр из красного дерева с бесценным княжеским подарком. Он не спешил входить в метро, смущённо и робко улыбался случайным прохожим. Его неосознанно тянуло вернуться в калейдоскоп событий, мимолётным вихрем пронёсшихся по его такой размеренной и вялой жизни. Как бы он хотел ещё раз пережить перипетии этих дней, почувствовать себя наследным князем, единственным отпрыском знатного и гордого рода...

Стоя на промозглом осеннем ветру, продрогший Микрошин вдруг задумался об ответственности, которую налагает на него неожиданно обретенный высокий титул. Негоже ему, потомственному дворянину, просиживать в младших сотрудниках. Слово-то какое унижительное – младший. Пора взяться за хоть и отложенную, но почти законченную диссертацию, весной сдать кандидатские экзамены. Столько лет уже его зовут и предлагают защититься. Некрасиво получается. К тому же давно пришёл срок разобраться с дипломами и патентами. Ведь это не только его личные заслуги, это – мудрость многих поколений, накопленная и сконцентрированная в его генах. Относиться к наследию предков надо бережно и трепетно. Так что придётся напрячься и оставить после себя хоть сколько-нибудь заметный след, чтобы не стыдно было перед потомками: не посрамил, мол, Микрошин фамилию, внёс свою посильную лепту.

Кстати, о потомках. Микрошин заметно посерьёзnel и приосанился. Чтобы многовековое генеалогическое древо окончательно не засохло, нужно заканчивать с привольной холостяцкой жизнью, пора задуматься о женитьбе и продолжении рода. Пока у него на примете нет достойной персоны, которая смогла бы родить наследника, придётся, должно быть, проконсультироваться у князя, как действуют в подобных случаях в аристократической среде. Да и квартирой надо бы заняться, не соответствует её скромный облик благородному происхождению хозяина. Ох, сколько планов, задумок, одна другой важнее!

Но сначала главное. Микрошин твёрдо решил, что на следующей неделе обязательно возьмёт накопленные отгулы и вместо намеченной поездки в Озёра воспользуется великодушным приглашением князя Р. – слетает к нему в Женеву. Необходимо доподлинно узнать: а не оскорблял ли какой-нибудь наглец и бретёр кого-либо из его достойных благородных предков? Ведь честь рода дороже всего на свете!

Старый двор

Грозный джип сопровождения не отставал, беспрекословно следуя манёврам ведущего автомобиля. Оба блестящих красавца старались вырваться из многокилометровой пробки, но безуспешно. Когда «мерседес» вынужденно тормозил, послушный джип тоже резко останавливался, при этом подавался вперёд мощным железным телом, так что едва не подталкивал едущую впереди машину. Шмелёв, в соответствии со своим служебным положением, сидел сзади в первом автомобиле, развалился и расстегнув плащ. Он вальяжно закинул одну руку на спинку сиденья и легонько постукивал пальцами по соседнему подголовнику. В голове медленно плыли ленивые размышления. Например, чёрный тонированный монстр, сопровождающий его всю дорогу, вдруг по характеру поведения показался похож на задиристого бойцового петуха, который гоняется за его «мерсином» и всё пытается клюнуть серебристый бампер.

«Хотя нет, – передумал Шмелёв, – не петуха. Скорее разъярённого быка. Вот он в бесильной злобе нападает на тореро, но, догнав, как вкопанный останавливается в считанных сантиметрах, замирает перед развёрнутой алой мулетой».

«Как у него получается настолько скрупулёзно держать дистанцию и на скорости, и в толчее, и на трассе? – привычно удивлялся Евгений Васильевич, уже много лет ездивший в собственной машине исключительно в роли пассажира. – Вот бы разок самому сесть за руль и попробовать провести „мерс“ по городу. Интересно, получилось бы или нет? Думаю, вышло бы, может, и не с первого раза, – самоуверенно заключил Шмелёв и утвердительно покачал головой. – Жаль, по статусу не положено». Большеглазый «мерседес» в очередной раз судорожно дёрнулся и встал. Отвлечённые рассуждения начальника прервал обернувшийся к нему шофёр:

– Евгений Васильевич, дальше на дороге совсем мёртво, что делать-то будем?

Шмелёв взглянул вперёд. Недавно отстроенная трасса утопала в сизой пелене выхлопных газов. Все полосы третьего кольца, насколько хватало обзора, были заполнены машинами и в одном, и в другом направлениях. Никакого продвижения не наблюдалось. Разнокалиберные автомобили пытели, урчали и дымили по обе стороны разделительного ограждения, но всё вхолостую. С примыкающих развязок настырно лезли жёлтые «газели» и пыльные грузовики. Озадаченный возникшей проблемой, обычно спокойный Шмелёв занервничал. Через несколько томительных минут, в течение которых машина не сдвинулась ни на сантиметр, он решительно скомандовал:

– Давай на Садовое! Может, там лучше.

Молчаливый водитель еле заметно поджал губы и включил указатель поворота. Спустя довольно продолжительное время они с трудом перестроились из крайнего левого ряда, развернулись и двинулись в сторону центра. Времени до назначенной встречи оставалось всё меньше.

На Садовом кольце было ещё сложнее. Погода ухудшилась, уже накрапывало. Неразлучная пара попыталась перебраться на встречную полосу, благо металлического барьера по центру дороги, как на других важных магистралях города, здесь пока не установили, но где уж там. С противоположной стороны было не меньше желающих обогнуть многочасовой затор. Теперь взволнованный Шмелёв уже мало интересовался видом машин, которые его плотно окружали. Он нервно стучал пальцами по светло-серому, под цвет его плаща, кожаному сиденью, поглядывал на часы и хмурился.

– Давай переулками, – сквозь зубы проворчал Шмелёв, чувствуя, как в нём начинает закипать гнев. Лихорадочными толчками, вклиниваясь и проталкиваясь между плотно стоящими машинами, блестящее авто стало медленно, но настырно выворачивать вправо. Мощная «тойота» пугающе маячила сзади чёрной, как смоль, горой и служила надёжным прикрытием.

Раздражённый Шмелёв опять сверился с часами. «Breguet» показывал, что солидный вроде бы запас времени, отведённый на дорогу, тает на глазах. Прекратившийся было дождь снова разошёлся, и транспортная ситуация окончательно испортилась. Множество мелких аварий моментально довели дорожную обстановку до катастрофической. ГАИ нигде не было видно: у инспекторов дорожно-патрульной службы, похоже, нашлись более важные дела и разруливанием пробок никто не занимался. Призванный день и ночь двигаться динамичный город застыл и превратился в одну огромную пёструю стоянку.

Извилистые переулки изобиловали транспортом под стать Садовому кольцу. В узких местах из-за кое-как припаркованных, а то и брошенных с включённой аварийной сигнализацией машин было просто не проехать. Автомобили спешили и опаздывали, не уступая друг другу дорогу, перемещивались в хаотическом беспорядке, как плохо собранные мозаики. Шикарная шмелёвская связка, состоящая из двух словно приклеенных друг к другу автомобилей, потолкалась полчаса направо, налево, постоянно сигналила дальним светом, притирая и расталкивая в стороны малолитражки, покружила внутри Садового, сместилась к Бульварному кольцу, пересекла и его. Всё было тщетно, заполонённый транспортом город усиленно пыхтел выхлопными трубами, гудел клаксонами, мигал фарами, но почти не двигался.

Раздосадованный непредвиденным осложнением Евгений Васильевич в очередной раз обречённо посмотрел на изящный швейцарский хронометр, хотя прекрасно знал, который час. Тяжело вздохнув, он слегка ослабил туго затянутый на шее тёмно-синий в светлую косую полоску галстук, окинул взором скопище окружающих машин и, набрав номер секретаря, сухим голосом приказал:

– Отмените назначенную встречу, извинитесь, скажите, что у нас не получилось по техническим причинам. Уточните, когда можно будет увидеться в ближайшее время. Если возможно, постарайтесь перенести на завтра. Перезвоните, я жду.

Дождь почти перестал, только резкие порывы колючего ветра продолжали срывать с практически голых ветвей последние пожухлые листья и крупные холодные капли. Бледное солнце попыталось было проглянуть сквозь плотную свинцовую завесу, обозначилось крошечным пятном на безрадостном небосклоне, но раздумало и снова скрылось в пелене облаков. Оно будто увидело через своё небесное окно унылую картину поздней столичной осени: покрытый лужами асфальт, бегущие вдоль тротуаров потоки грязной воды, охапки слипшейся листвы в водостоках, прячущихся по карнизам домов продрогших голубей – и отвернулось. Потом, всё потом; оно появится снова, лишь когда придёт время празднично-искрящейся, одетой, словно счастливая невеста, во всё белое красавицы-зимы.

Нудный дождь окончательно прекратился, а реки разноцветных зонтов всё текли и стекали по улочкам к промокшим блестящим площадям. Эти быстротечные, суетливые потоки всасывались в подземные переходы, ведущие к станциям метро.

«Видно, не судьба», – рассуждал поставленный в тупик Шмелёв, с брезгливым выражением наблюдая картину осенней непогоды за тонированным окном автомобиля. Он не мог припомнить другого такого случая, когда бы дела не заладились, да ещё так фатально, – переговоры планировали заранее, выехали с большим запасом, три раза меняли маршрут, и всё безрезультатно. «Странно. Как будто какая-то сила не пустила», – заметил обыкновенно не склонный к мистике и суевериям Евгений Васильевич.

Перезвонил секретарь и довольным голосом сообщил, что всё улажено, встреча перенесена на завтра, на одиннадцать. Шмелёв сухо поблагодарил и удовлетворённо перевёл дух. Но расслабиться так и не смог, напряжение и нервозность не проходили. Между тем затор только увеличивался. Минут пять Шмелёв посидел в машине молча, уставившись в пространство. Затем в очередной раз оглядел понурую улицу, расположенные поблизости мрачные серые и тёмно-коричневые здания, узнал район столицы, где случайно оказался, – и тут ему в голову пришла неожиданная идея.

Массой дел был непрерывно загружен Евгений Васильевич. И вот случилось так, что впервые за последние годы из-за отмены запланированных переговоров он мог располагать скромным досугом. По прихоти судьбы в этот момент оказался поблизости от тихого крошечного двора, где довелось когда-то жить. Подумалось, что нужно использовать уникальный шанс предаться ностальгии, навестить памятные места детства и юности.

Удивив своим порывом водителя и охранников, Шмелёв заявил, что хочет пройтись пешком. Этого он не делал уже много лет – а на глазах подчинённых вообще ни разу. Да ещё в одиночестве! Опытный, давно работающий со Шмелёвым шофер виду не подал, а вот охрана явно озадачилась, ведь нарушались все мыслимые должностные инструкции. Но делать было нечего: проведя на всякий случай консультации со своим начальством, работники службы охраны покорно оставили сердитого Шмелёва одного, забрались в джип, припарковались на тротуаре и запаслись терпением.

Подняв воротник плаща, застегнув все пуговицы и педантично обходя зеркала луж, Евгений Васильевич медленно побрёл на встречу со своим двором. Там, в тени старого раскидистого тополя, в углу у дощатого зелёного забора, быстротечно, за игрой в индейцев и разведчиков прошло его детство. Там, у самодельного стола, сколоченного из старых досок и покрытого затёртым куском линолеума, за шашками и картами пронеслось отрочество. Там же под аккорды вечно расстроенной гитары и хриплые записи единственного на всю компанию магнитофона-кассетника танцевала в клешах и мини-юбках его длинноволосая мечтательная юность. Незрелыми размышлениями о смысле жизни, тенденциях мировой политики и, конечно, особенностях женской сексуальности отметилась вольница студенческой поры. Здесь он, тогда ещё просто Женька, встретил первых друзей и первую любовь.

Сероглазая Ира жила в том же дворе, в дальнем подъезде, и была младше Евгения. Разница в два года ощущалась пропастью, могучей стеною, да что там, целой эпохой, разделяющей поколения. То ли поэтому, а может, по каким-то другим причинам, но всё у них получилось не сразу. Долгое время Евгений просто не замечал Ирину, не обращал на неё внимания. А потом, уже после окончания школы, внезапно влюбился – крепко, надолго, тогда казалось, что навсегда.

Все, абсолютно все тёплые воспоминания юности были связаны с этим маленьким двором. Тут они проводили лунные весенние и летние вечера. С наступлением темноты двор благосклонно принимал их в свои сумеречные объятия и отпускал домой далеко за полночь, возбуждённых и переполненных пылкими эмоциями. Здесь всё принадлежало только им: скамейка, условленное время встречи, характерный местный жаргон, смешавший ключевые фразы из расхожих анекдотов и цитаты из популярных фильмов. Всё было их достоянием, как будто создано специально для их счастливого существования.

Но как бесконечно давно это было! Далёкие годы казались полузабытым чёрно-белым фильмом о мальчике-подростке, выросшем в небольшом, типичном для того времени московском дворе. А где видел эту картину, в каком кинотеатре, как назывался фильм, кто исполнил главные роли, – уже и не вспомнить. Теперь, конечно, у всех другие дворы. У всех семьи, работа, дети, машины, коллеги, корпоративные вечеринки, презентации, логотипы, визитки и прочая деловая мишура. Былое же осталось в старых фотоальбомах, пылящихся на самых дальних полках книжных стеллажей.

Однако Шмелёв всегда отличался хорошей памятью. Сейчас он стремился туда, где прошло его детство. Уже не Женя – Евгений Васильевич. Так иногда нас навещает давний друг детства: сваливается как снег на голову, почти забытый и почти неузнаваемый. Вот и Женя изрядно изменился. Он возмужал, посерьёзnel и повзрослел, в тёмных, по-прежнему густых волосах начинала проблёскивать седина, а глаза стали усталыми и грустными.

Именно взглядом теперешний Евгений Васильевич больше всего отличался от молодого Жени. В далёкие беззаботные времена его глаза как огнём светились. Даже старые фотографии

передавали это впечатление – будто бы он мог зажечь всё вокруг себя. Будто время не властно над юным искрящимся взором, будто ничто не в силах его омрачить. Такие вот по-детски наивные, романтические мечты.

Действительность налетела гудящим на всех парах локомотивом. Она разметала палаточный лагерь, разбитый на берегу реки, прервала пение под гитару у потрескивающего снопами искр костра, затмила образ величественной бригантины, бороздящей лазурные просторы. А ведь не так уж много времени прошло. Когда же романтику заменили счета-фактуры, квартальные балансовые отчёты, внеплановые собрания акционеров?

Теперь усталый, рассеянный взгляд Евгения Васильевича блуждал по фасадам знакомых домов, изгибам переулков. Он всего лишь свернул с центральной городской магистрали – и пропали броские витрины фешенебельных бутиков, призывные огни ресторанов, рекламные щиты сотовых операторов. Затих пронзительно-резкий звук сирен и монотонный автомобильный гул. Медленно шагающий Шмелёв погрузился в атмосферу двадцатилетней давности. Новенькая брусчатка, выложенная перед заведениями, которые следили за своим имиджем, уступила место щербатому, потрескавшемуся асфальту, аккуратно отреставрированные фасады престижных магазинов – облупившимся, покрытым граффити стенам.

Евгений Васильевич и сейчас мог пройти по этим улицам с закрытыми глазами, найти нужный дом, подъезд и дверь. Он всё помнил в округе с тех давних пор, возможно, даже гораздо лучше, чем цифры последних биржевых сводок. Приближался родной двор, и тем большее он испытывал смятение. Хотелось ускорить шаг, сорваться с места, побежать – хотя торопиться, конечно, было некуда. Солидный и всегда уверенный в себе Шмелёв пытался сдерживать волнение, но неосознанно комкал в руке аккуратно сложенные перчатки.

Из подворотен соседних домов по-прежнему доносились характерные запахи старого московского быта – сырой штукатурки, коммунальных кухонь, дерева, аммиака и ещё чего-то неуловимого и сокровенного, растворённого только в воздухе таких уютных тихих дворики. Узкая улица изгибалась и медленно поднималась в горку. На середине подъёма Евгений Васильевич распахнул плащ и остановился. С непривычки ходить пешком он запыхался и решил слегка передохнуть. С удовольствием вдохнул влажный воздух, поднял голову...

По этой улице он раньше проходил дважды в день. Утром вприпрыжку спускался в школу, весело размахивая пухлым портфелем и мешком со «сменкой», а к обеду бодрой походкой возвращался домой. Улыбнувшись, Евгений Васильевич вспомнил, как он, сосредоточенный и чуточку испуганный, с огромным букетом разноцветных астр, в серой беретке на коротко стриженной голове, пошёл в первый класс. Ему, детсадовскому ребёнку, было не привыкать проводить свой день вне дома, в чужих стенах, в большом шумном коллективе. И всё равно он сильно оробел, когда услышал громкую патриотическую музыку, доносящуюся из мощных динамиков, увидел возле школы огромное скопление гомонящего народа. Шмелёв довольно хмыкнул и улыбнулся: «Да, всё это было. Боялся, стеснялся, даже хныкал...»

Он припомнил, как в младших классах убрали осенью школьную территорию. Всем выдали длинные, не по росту грабли. Исполнительные девчонки тщательно сгребали мусор и опавшую листву в аккуратные кучки. Ребята же, одетые в унылого мышинного цвета, словно сиротскую, форму, вдруг вообразили, что у них в руках не садовый инвентарь, а пики и мечи, и устроили целый рыцарский турнир. А после субботника азартно кидались охапками только что собранной листвы, сведя на нет всю выполненную работу.

Ещё одна яркая картинка. Вот они вдвоём с закадычным другом поджигают в июне комки скатавшегося тополиного пуха – и потом улепётывают со всех ног от злобной старушки, которая кричит на них противным визгливым голосом и грозит вызвать милицию.

Евгений Васильевич даже не ожидал, что так разволнуется от обилия воспоминаний. Они пробудили в нём что-то потаённое, дремлющее, запрятанное в самые глубины души. Расчувствовавшийся Шмелёв стоял и улыбался, опершись спиной о серую бетонную загородку, кру-

тил в руках перчатки и глубоко, с наслаждением вдыхал холодный осенний воздух. Он рассматривал стену и балконы ближайшего дома, пытаясь справиться с эмоциональным всплеском, прежде чем двинуться дальше.

Он сразу узнал свой старенький двор. Дом имел форму буквы «П» и выходил на улицу пятиэтажным фасадом с аркой, где в любой сезон и время суток стоял таинственный полумрак. Справа и слева от центрального фасада уходили в глубину двора стены с массивными темно-коричневыми дверями, а в самой дали, замыкая внутреннее пространство, возвышался высокий глухой забор соседнего, как тогда говорили, кооперативного, дома. Именно около него и находился раньше заветный самодельный стол со скамейками. В самом центре двора для малышей была устроена песочница с грибком, из труб сварен турник для молодёжи, установлены деревянные лавочки для старушек и молодых мам. Огромный тополь по-прежнему главенствовал в правом углу, нависая могучими ветвями над соседними деревцами. Старые деревья, окруженные стенами и не доступные порывистому ветру, желтели последней задержавшейся в кронах листвой.

Позабывтые чувства тёплым густым елеем нахлынули и заполнили светом душу. Двор был тот же и одновременно иной. В тех же низменных местах стояли вечные лужи, и так же медлительно текло здесь время. Одна старая скамейка чудесным образом сохранилась, и это была именно их скамейка. Она изрядно постарела, как-то уменьшилась, будто вросла в землю, и покосилась.

Вдруг Шмелёв испытал странное чувство. Подумалось, что это и есть его настоящее место, родной дом. Малая родина. Из-за постоянной навязчивой суеты он почти забыл о ней. Изображение перед глазами слегка замутилось, краски смазались и медленно поплыли перед глазами. Со стороны могло показаться, что высокий импозантного вида господин протирает шелковым кашне очки от последних капель дождя. Но это был не дождь, а слёзы.

Во дворе играли чужие дети. Когда Евгений был здесь последний раз, их родители, скорее всего, ещё не знали друг друга. А может, сами строили куличики в местной песочнице? «Надо же, – смущённый собственной сентиментальностью Шмелёв горько усмехнулся, – прошли почти двадцать лет, как один день пролетели».

Он машинально посмотрел на Ирнины окна. Там висели другие занавески, вероятно, жили посторонние люди. «А вдруг нет? – мелькнула шальная мысль. – Вдруг произошло фантастическое: Ира, несмотря на все перемены в стране и мире, не покинула свою маленькую уютную квартиру? Так и живёт – в продолговатой, заставленной всякой всячиной комнате с одностворчатым окном на углу дома? Нет, теперь он к ней, конечно, не зайдёт. Зачем? Может получиться глупо, смешно и, главное, бессмысленно». Тщательно просчитывающий сложные многоходовые комбинации Евгений Васильевич не привык совершать опрометчивые поступки и совсем не желал оказаться в неловком положении. Всё закончилось давно, ещё тогда. Так же внезапно, как и началось.

Хотя с Ирой он учился в одной школе, в те годы Женька её почти не помнил. В его классе было много красивых девушек, с которыми он встречался в дружной компании. Они вместе ходили в кино, отмечали праздники, выезжали на природу, ну и, конечно, играли в «бутылочку». На младших девочек ребята из его класса не обращали внимания, если подозревали со стороны «малышних» какие-то заигрывания – реагировали высокомерно.

Но однажды, спустя год после окончания школы, Женя вдруг увидел в своём дворе очаровательную стройную девушку со слегка выющимися русыми волосами. Она в момент сразила его своей красотой.

– Кто это? – как бы между прочим, пытаясь скрыть свой истинный интерес, спросил он у друзей, которые стояли рядом.

– Жека, да ты что? – изумились в один голос ребята, – это же Ирка. Она училась в нашей школе и ушла после восьмого класса.

– Странно, совершенно не узнал, – медленно протянул в ответ изумлённый Женя, глядя вслед изящной фигурке. – Она, должно быть, сильно изменилась за последнее время, – добавил он задумчиво. И «влип». Сам не заметил, как чувство, не пришедшее в школе, расцвело в нём годом позже в полную силу.

Женя окончил школу одним из лучших в классе, хотя и без медали, и сразу поступил в институт. Ира же отправилась в техникум после восьмого класса, выучилась на кондитера и уже работала на «Красном Октябре». Она была из простой семьи. Её отец умер пять лет назад от сердечного приступа, имелась ещё и младшая сестрёнка, вот и пришлось пойти на производство, чтобы помочь матери.

Влюблённые не расставались ни на день. После занятий Евгений или возвращался домой, или оставался готовиться к семинарам в читальном зале, а в условленное время приезжал на улицу Серафимовича и возле кинотеатра «Ударник» ожидал отработавшую смену Ирину. Иногда они сразу шли в кино, но чаще через Большой Каменный мост покидали сонное, тихое Замоскворечье и перебирались на другую сторону Москвы-реки. Переулками доходили до дома, где в привычном месте их уже обыкновенно ждала весёлая компания. Друзья травили анекдоты, делились свежими впечатлениями, рассказывали смешные истории из студенческой жизни – словом, наслаждались молодостью, тем благословенным временем, когда жизненная энергия бьёт через край, а взрослые заботы ещё не тяготят. Потом Женя провожал Ирину, и они долго целовались в тамбуре её подъезда в пыльной полутьме, заставляя вздрагивать от неожиданности припозднившихся жильцов.

В общем, Евгений парил в облаках. Теперь он был студентом, ощущал себя взрослым и солидным человеком. К тому же чрезвычайно гордился, что у него – первого в компании – появилась девушка. Причём из их же обожаемого, «семейного» двора. Это так здорово – можно одновременно слушать игру на гитаре, общаться с друзьями и обниматься с любимой.

Иногда, если Ира особенно уставала на работе, она раньше всех уходила домой. Женя провожал её и возвращался к ребятам спустя десять минут с блаженно-отсутствующим видом. «Ну что, нацеловался?» – ехидничали наблюдательные друзья. Евгений ничего не отвечал, но этого и не требовалось: всё на лице было написано.

Ему по-хорошему завидовали. Подтрунивали, что, мол, классно и комфортно устроился в жизни: детсад в соседнем дворе, школа под боком – две минуты ходьбы, институт выбрал поблизости от дома, чтобы через весь город не мотаться каждый день. Да ещё и девушку умудрился найти себе прямо во дворе – ни тебе долгих провожаний и расставаний, не нужно следить за временем, чтобы успеть на пересадку в метро. Во как хитрый Женька всё продумал, во как компактно всё смог организовать!

В ответ на ехидные подколки товарищей Евгений с видом триумфатора замечал: им самим предоставлялись точно такие же возможности. Могли бы сделать так же, и всё было бы у них, как и у него, – правильно, красиво и под рукой. Острые на язык друзья возражали: они бы с удовольствием, да красивых девушек не осталось ни во дворе, ни в округе, Жека самую лучшую увёл.

Ирина и правда была хороша – высокая, гибкая, русоволосая, на пухлых губах угадывается намёк на улыбку. Женька был охвачен настоящим чувством. Он купался в своей страсти, вдыхая бесподобный запах её волос, глядя в её серо-голубые глаза. Даже шуточные внушения по поводу необузданности характера, частенько выслушиваемые от Иры, доставляли своеобразное удовольствие.

И Ирине, и себе самому Женя задавал один и тот же наивный вопрос: как он раньше не замечал её, не выделял из общей массы девушек? Польщённая Ирина отшучивалась. Говорила, лукаво улыбаясь, что её, может, раньше здесь и не было.

За спиной пронзительно скрипнула парадная дверь, погрузившийся в воспоминания Евгений Васильевич вздрогнул и обернулся. Из подъезда вышли двое ребят и девушка. Как же

эта была похожа на ту, что жила здесь когда-то! Русые волосы, слегка касающиеся плеч, застенчивый, но прямой взгляд. И смех такой же звонкий, задорный, увлекающий...

Троица шла, громко переговариваясь и смеясь. К незнакомцу ребята присматривались оценивающе. Шмелёв наблюдал за ними с таким же очевидным интересом. Вот подростки понизили голоса, затем вовсе настороженно примолкли. Как и он в своё время, они знали всех местных в лицо, а большинство и по имени-отчеству. Подобно ему, делили окружающий мир на «своих» и «чужих». Рослый Евгений Васильевич, в роскошном плаще и до блеска начищенных ботинках, был чужаком. Двор теперь принадлежал не ему – этим ребятам. А он – он стал посторонним по отношению к тому, чем когда-то дорожил. Отчуждение, возникшее между ним и молодыми людьми, было очевидным. И очень явно обозначилась стена, которую Шмелёв воздвиг между своим настоящим и прошлым.

В студенческие годы беспечный Женя расстался с Ириной. Они разругались на всю оставшуюся жизнь, как он считал, из-за сущей глупости, можно сказать, ерунды. С одной стороны выиграла дурацкая гордость, с другой – проявил себя безмозглый юношеский максимализм.

В институте Евгений учился усердно. На красный диплом из-за полученных в первый год пары троек и четвёрок не тянул, но оценивали его на курсе довольно высоко. Это позволяло претендовать на хорошее место при распределении. Коммуникабельный и остроумный, он обзавёлся множеством новых друзей и знакомых. Мало-помалу появилась своя студенческая компания. Сначала, как и водится, она имела чисто мужской состав, но постепенно молодые люди обзаводились подружками. В основном это были студентки из их же института, только с других курсов и факультетов. И только одна Ирина не училась в вузе, а работала на комбинате.

Институтская компания оказалась не настолько тесной, как дворовая. Все здесь были целеустремлёнными и амбициозными, а следовательно, и более разобщёнными. Все, в том числе и девушки, строили далеко идущие планы. Вот тут-то и стала всё отчётливее проявляться разница между начитанными, образованными студентками из интеллигентных семей – и Ирой. Её не то чтобы плохо приняли в новой компании, совсем наоборот. Ещё бы, такая красавица. На неё заглядывались все юноши без исключения, многие втайне завидовали Жене. А девушки, особенно сладкоежки, с интересом расспрашивали о работе или просто мило болтали ни о чём. Но мало-помалу становилось всё виднее, что у Иры со студенческой компанией кругозор и интересы не совпадают.

Постепенно в душе Евгения росло какое-то смутное чувство. То и дело его девушка попадала в неловкие ситуации. Танцевала-то грациозная и подвижная Ирина лучше многих, смеялась и беседовала за столом наравне со всеми, но как только доходило до «умных» споров или интеллектуальных игр, начинались всякие казусы.

Однажды они играли в «изображение». Требовалось без слов, с помощью одних жестов объяснить своей команде, какое слово или словосочетание загадали соперники. Подошла Ирина очередь «изображать». Она беспечно вытянула фант с заданием, прочитала его, посерьёзна, покрутила в руке бумажку и, смутившись, призналась, что не знает такого слова. Играли азартно, поэтому начали спорить, засчитывать ли очко. Договориться заранее о таких случаях никому в голову не пришло. И тут кто-то сказал:

– Ребята, да сжальтесь вы, Ира ведь на фабрике работает. Скорее всего, она этого слова никогда в жизни не слышала.

Поражение команде не засчитали, фант переиграли, но тягостное воспоминание у Жени и Иры осталось навсегда. Выводы каждый сделал свои. Раздосадованный Женя внезапно осознал, что при всей своей притягательности в интеллектуальном плане Ира не дотягивает до уровня его институтского окружения. А Ирина просто решила реже появляться в студенческом кругу. Ей было намного комфортнее в привычном дворовом сообществе. Там её вос-

принимали такой, какая она была. Росли все бок о бок с младенческих лет, никто ни от кого не требовал прыгнуть выше головы.

Лёгкая трещина, раз появившись, стала давать о себе знать всё чаще. Когда Евгений звал Иру на институтские сборища, она предлагала ему любую возможную альтернативу, лишь бы не попасть опять в глупое положение на глазах возлюбленного и его друзей. Женя ей сочувствовал, но потихоньку начал тяготиться таким положением вещей. Иру он по-прежнему любил, однако свободное время зачастую предпочитал проводить с сокурсницами: нельзя, мол, студенту без интеллектуального общения. Ирина всё это видела, проблему осознавала и считала себя в ней виновной. Ей и искать решение.

Ира прилично зарабатывала. Она была фактически единственной кормилицей в семье: младшая сестра ещё училась в школе, а мама в поликлинике получала очень скромную зарплату, которой ни на что не хватало. Однажды Ирина, волнуясь, сообщила Евгению, что собирается пойти учиться на вечерние курсы, как только сестра закончит школу. Конечно, без отрыва от работы, ведь даже на время оставить её не получится. Потом она, возможно, окончит заочный институт, станет мастером, а в дальнейшем, быть может, и заведующей производством. Ира прекрасно понимала, что воплотить эту идею в жизнь будет очень не просто. Предстоит редко видеться, учиться вечерами после напряжённой смены. Но как иначе сохранить их угасающую любовь?

– Ты мне pomoжешь с занятиями, – доверительно спросила девушка, – ведь я уже очень многого не помню?

Начиная серьёзный разговор, Ирина преследовала благую цель, но момент был выбран неудачно. Женю в тот день за формально выполненную дипломную работу сурово раскритиковал научный руководитель. А когда обиженный на замечания Евгений покинул институт, ему встретилась однокурсница. Она всегда донимала его вниманием, вот и сейчас не прошла мимо, уколола ехидной фразой:

– К «фабричке» своей спешишь? – и иронично улыбнулась.

Так что Евгений был в весьма подавленном настроении, когда Ирина поделилась с ним своими планами. Вот и ответил резко, что заочное образование – это, в сущности, не образование, лучше не тратить время впустую. Есть, сказал он, масса способов провести досуг гораздо интереснее и с пользой для дела. Всё равно диплом о заочном обучении – бесполезная бумажка, которую лучше никому не показывать.

Оторопевшая Ира пыталась как-то спасти ситуацию, даже робко настаивать начала, что на её работе и заочный диплом будет полезен. Но Евгений разошёлся не на шутку. Он в запальчивости выплеснул на девушку всё накопившееся раздражение. Заявил, что в современном обществе существуют три класса: рабочие, колхозники и интеллигенция, – и каждый должен реализовывать себя там, где ему предопределено судьбой. И нечего без толку дёргаться! Крестьяне, горячился парень, не должны писать книги, а инженеры копать картошку на полях.

– Ты считаешь, что я принадлежу к другому классу? – только и смогла выдавить огорченная такой отповедью Ирина. И, не оглядываясь, убежала. Навсегда.

Женя твердил себе, что Ира сама во всём виновата – не так поняла, ложно истолковала ход его мыслей. Хотя почему ложно? Если говорить начистоту, он уже давно считал, что её социальное положение снижает его рейтинг среди однокурсников. В дальнейшем это может и на карьере негативно отразиться, ведь на носу защита дипломной работы, госэкзамен, распределение.

Расставание с Ириной было только первым шагом во взрослую – одинокую – жизнь. Отдаление, а потом и окончательный разрыв с друзьями детства, с местом, где родился и вырос, не заставили себя ждать. Поспособствовала этому казавшаяся невероятной гибель великой империи. Минул только год после окончания Евгением института, как раскололась, развалилась на куски огромная страна. Забурлили смутные времена, открылись огромные, невиданные

доселе перспективы, представились уникальные условия для поднятия личного благосостояния на фантастический уровень. Грех было бы этим не воспользоваться. И Евгений со всей самоотдачей погрузился в бурные волны зарождающегося национального бизнеса.

Он без устали трудился, рыскал, суетился, молниеносно реагировал и перестраивался, мгновенно принимал сложные, порой опасные решения. Рисковал, рисковал и ещё раз рисковал ежедневно, ежечасно. Игра стоила того – на кону была новая, блистательная жизнь. Уж очень хотелось покончить с убогим существованием, вырваться из малогабаритной квартирки, из милого, дорогого, но всё же очень тесного мирка, затерянного в огромном и многообещающем городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.